

С л о в о

на заупокойной литургіи при погребеніи Преосвященнѣйшаго Епископа Сильвестра. бывшаго Ректора Кіевской духовной Академіи.

*Блаженъ человекъ, иже обрѣте
премудрость (Притч. III, 13).*

Десять съ половиною лѣтъ минуло съ того памятнаго дня, какъ нынѣ блаженно-почившій о Господѣ святитель Божій съ сего священнаго мѣста въ послѣдній разъ преподавъ всѣмъ намъ, братіе, свое архиастырское благословеніе и, напутствуемый молитвами, благожеланіями и слезами нашей академической и монастырской братіи и многочисленныхъ богомольцевъ сего святаго храма, оставилъ нашу Академію и сію обитель, въ которыхъ прожилъ безъ малаго полѣтка въ качествѣ студента Академіи, профессора ея, инспектора, ректора и настоятеля Кіево-Братскаго монастыря, и съ которыми онъ сросся самыми крѣпкими, неразрывными нитями своего существованія. И вотъ нынѣ святая обитель сія и наша Академія снова и съ великимъ торжествомъ и благолѣпіемъ церковнымъ встрѣтили и пріяли своего возлюбленнаго архиастыря и отца, но теперь зримъ мы уже не того благостнаго святителя, молянагося за насъ и благословляющаго насъ, а бездыханно предлежащаго намъ и безмолвно, но выразительно и внушительно просящаго нашихъ молитвъ о душѣ его. И эта смерть, и горестное

сознаніе всей тяжести, принесенной ею, утраты, и вызываемая этимъ жгучая печаль сердца должны бы налагать печать благоговѣйнаго молчанія на уста каждого изъ многочисленныхъ почитателей почившаго владыки: у гроба сего, по-истинѣ говоря, мѣсто, первѣе и главнѣе всего, молюсь о преставлящемся, такъ трогательно проспимъ имъ у насъ. Притомъ самый гробъ сей и все это благолѣпіе святыни и торжество церковное, все это необычайное стеченіе въ сей святой храмъ народа суть самая высокая и глубоко-назидательная проповѣдь. Однако долгъ любви и сердечной признательности къ нашему отцу и благодѣтелю побуждаетъ насъ, одного изъ послѣднихъ по времени учениковъ его, выступить на святомъ мѣстѣ семъ съ краткимъ и слабымъ словомъ въ честь и память почившаго владыки и въ общее назиданіе.

Угасъ, братіе, великій свѣтильникъ вѣры и научно-богословскаго вѣдѣнія, благочестія и любви Христовой, свѣще подлѣпка горѣвшій и свѣтившій на свѣщникѣ нашей отечественной Церкви, но досягавшій свѣтомъ своимъ и далеко за ея предѣлы, отошедъ въ лучший міръ маститый учитель не помѣстной только Церкви русской, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и Церкви вселенской, поскольку ученые вѣроучительные труды его были извѣстны и пользовались вниманіемъ и вліяніемъ не въ Россіи только, но и на православномъ Востоцѣ и на иновѣрномъ Западѣ; восхищенъ отъ среды живущихъ носитель духа, преданій и истины единой вселенской Церкви Христовой. Утрата, по-истинѣ, незамѣлимая, но крайней мѣрѣ, грудно вознаграждаемая; такіе столпы церковной жизни и ученія, такіе изумительные труженики христіанской науки родятся вѣками. Подлинно великаго плача достойна эта великая утрата, понесенная нашею Церковію, нашею богословскою наукою, нашимъ церковнымъ обществомъ: „краса твоа, Израиль, поражена на высотахъ твоихъ“ (2 Цар. 1, 19).

И однако, братіе, у сего, краснорѣчиваго въ самомъ молчаніи, гроба должно быть мѣсто не столько скорби и печали, сколько сердечному благодаренію и духовному ликованію о Господѣ, и не потому только, что, по наставленію апостольскому, мы, вѣрующіе, вообще объ умершихъ не должны безъ мѣры скорбѣть, *якоже и прочіи, не имущіи упованія* (I Сол. IV, 13), но и потому, что приснопамятный владыка нашъ отошелъ ко Господу уже въ старости масти-той, подобно спѣлому колосу, пожатому въ житницу, ото-шелъ освященный святыми таинствами Церкви, что онъ „въ вѣрѣ, надеждѣ и любви, и кротости, и въ священниче-скомъ достоинствѣ пожилъ“ (троп. изъ „послед. погреб. свящ.“), что данныя ему отъ Бога таланты онъ трудолюбиво дѣлалъ съ ранняго утра до вечера жизни своей и во сто трудовъ уплодоносилъ ихъ, что онъ вообще постигъ и вы-полнилъ дѣломъ смыслъ жизни человѣка. *Блаженъ человекъ, иже обрѣте премудрость.*

Премудрость, братіе, была предметомъ исканій и вос-хваленій еще древнихъ мудрецовъ міра языческаго. Они вы-соко цѣнили и превозносили ее, какъ высшее благо жизни, искали ее съ великими усиліями, но опредѣляли различно и часто превратно. Истинное понятіе о премудрости имъ было чуждо, почему и сказалъ Богъ: *погублю премудрость пре-мудрыхъ, разумъ разумныхъ отверю* (Ис. XXIX, 14; I Кор. I, 19), и возвѣстилъ въ божественномъ словѣ Своемъ премудрость истинную: *начало премудрости страхъ Господень, и познаніе Святаго разумъ* (Притч. IX, 10; 1, 7), поучаетъ ветхозавѣтныи мудрецы. *Кто премудръ и худобъ въ васъ*—поясняетъ его св. апо-столъ,—*да покажетъ отъ добраго житія отла свои въ кротости и премудрости...* *Яже свѣже премудрость, пераго убо чиста есть, потомъ же мирна, кротка, благопокорлива, исполна милости и плодовъ блажихъ, несумнѣнна и нелицемѣрна* (Іак. III, 13, 17).

Подлинно эту премудрость вѣдѣнія и жизни стяжалъ нашъ блаженный архипастырь. Истина христіанская сливалась

у него нераздѣльно съ жизнью, безцѣнное сокровище вѣры наполняло и одушевляло все его существо: разумъ и сердце, волю и дѣятельность. Общепринято его крупное, отмѣчающее новую эпоху, значеніе въ области науки вѣроучительнаго богословія.

Кто изъ современныхъ ему богослововъ могъ сравниться съ нимъ по количеству, объему и качественной цѣнности ученыхъ трудовъ, въ которыхъ на всѣ времена послѣдующимъ поколѣніямъ данъ достоподражательный образецъ беззавѣтной преданности святому дѣлу науки вѣры и изумительнаго трудолюбія? Изумительна его ученость, его всеобъемлющее знаніе церковно-христіанскаго вѣроученія въ его основахъ, источникахъ, въ длинной цѣпи многовѣковаго церковнаго преданія; своими трудами онъ произвелъ коренное преобразованіе въ наукѣ, поставивъ дѣло изслѣдованія на новую почву внутренняго христіанскаго опыта и исторіи. Дѣлу науки онъ отдалъ большую половину жизни и совершалъ этотъ подвигъ съ великимъ напряженіемъ духовныхъ силъ своихъ, при полной слабости силъ тѣлесныхъ, при недостаткѣ перваго необходимаго условія книжной работы—здороваго зрѣнія. Подлинно, братіе, есть чему поучиться людямъ науки у просвѣщеннаго труженика науки! Незгладимое впечатлѣніе производило на насъ, учениковъ его, появленіе его на академической кафедрѣ: само собою чувствовалось присутствіе великой ученой силы, свободно, какъ въ родной стихіи, вращавшейся въ исторіи и системѣ церковно-христіанскаго вѣроученія. Это—не нашъ ничтожный судъ, это судъ виднѣйшихъ представителей науки богословской въ Россіи и заграницей.

Но маститый богословъ-святитель былъ мудръ не въ вѣдѣніи только, но и въ самой жизни, и эта двоякая мудрость сообщала всему нравственному облику его чрезвычайную привлекательность, обаятельность. Первая печать мудрости—простота, непритязательность, общедоступность—

была въ высокой степени присуща почившему. Чуждый всякаго блеска суетнаго человѣческаго величія, онъ былъ всегда доступенъ людямъ всякаго общественнаго положенія, не говоря уже о ближайшихъ сослуживцахъ и ученикахъ своихъ. Онъ велъ самый простой образъ жизни, ограничивая и сокращая до послѣдней степени, во имя высшихъ интересовъ духа, свои тѣлесныя нужды и потребности. Это былъ истинный подвижникъ христіанскаго благочестія въ духѣ и силѣ древне-христіанскихъ подвижниковъ. Его умное дѣланіе, его молитвенно-созерцательное настроеніе, конечно, составляло тайну его духа и было сокрыто отъ очей людскихъ, но проявленія такого настроенія владыки имѣли счастье наблюдать и назидаться этимъ многіе. Невыразимо трогательно было намъ, ученикамъ его, ежедневно, каждое утро наблюдать, какъ неопустительно привычною троею двора нашего академическаго въ скромной одеждѣ монаха направлялся онъ въ соборный храмъ монастыря для молитвы предъ чудотворною иконою Богоматери Братской. Изъ того же неизсякаемаго родника истекало его несравненное по высотѣ и умиленности одушевленіе Божественною службою. Кто изъ богомольцевъ сего святаго храма не умилялся проникновенною и вдохновенною службою святителя Божія? И можно ли забыть тѣ святыя впечатлѣнія, какія производила эта служба на всѣхъ молящихся за ней? Легко понять, на какой нравственной высотѣ стояла власть старца-епископа, какъ ректора, въ академической средѣ. А любовное отношеніе его къ учащимъ и учащимся здѣсь еще болѣе возвышало нравственное вліяніе его въ Академіи. Оставивъ по преклонности лѣтъ и слабости здоровья Академію и Братство, онъ продолжалъ духомъ пребывать здѣсь и всегда съ неослабѣвающимъ интересомъ разспрашивалъ академическаго посѣтителя о всѣхъ сторонахъ жизни Академіи.

Нельзя умолчать, что мудрость почившаго владыки была исполнѣна милости и плодовъ многихъ. Добродѣтель нище-

любія была любимою и постоянною его добродѣтелию. Онъ благотворилъ многимъ и много, но, по заповѣди Евангелія, лѣвая рука его не вѣдала, что творила правая (Матрѣ. VI, 3), и лишь случайно приходилось узнавать, сколь многіе были облагодѣтельствованы его любовію и милостію. По-истинѣ блаженъ почившій архипастырь нашъ, словомъ, дѣломъ и всею жизнію явившій обрѣтенную имъ премудрость. Вѣруемъ, что нынѣ, по милости Божіей, уже не въ зеркалѣ и не въ гаданіи, но въ самой истинѣ постигаетъ онъ тайны бытія и вѣчныя истины христіанскаго вѣроученія и богословія, изученію и изслѣдованію которыхъ онъ отдалъ всю жизнь свою. Вѣримъ также, что не отпадаетъ николиже его любовь къ намъ, которою онъ обнималъ всѣхъ насъ, не тѣсно вмѣщая въ сердцѣ своемъ.

Исполнимъ, братіе, и мы святой долгъ любви къ почившему—долгъ непрестанной молитвы Господу объ упокоеніи его безсмертнаго духа въ селеніяхъ святыхъ. Почившій владыка неизгладимыми чертами начерталъ свое имя на скрижаляхъ исторіи нашей Академіи нашей, богословской науки, нашей отечественной церкви. Начертаемъ, братіе, и мы всѣ неизгладимыми чертами имя приснопамятнаго святителя на скрижаляхъ сердецъ нашихъ для всегданяго молитвеннаго памятованія о немъ.

„Понеже вси къ той же нудимся обители, и подѣ тойжде пойдемъ камень, и сами прахъ помалѣ будемъ, представляемуся покоя отъ Христа просимъ“ (Послѣд. погреб. свящ.). Аминь.

Свящ. А. Глаголевъ.